

Тип менталитета, тип культуры и письмо

Отметим один важный для функционирования механизмов культуры момент, касающийся *выбора способа записи* и его последствий.

Принятие древними греками финикийской основы азбуки (структурно схожей с угаритским клинописным алфавитом), где буквы выступают как значки, как набор *нейтральных квантов слова* (и сами по себе значки законченного смысла не несут), с нашей точки зрения, определило сам греческий подход к миру, его особую ментальность.

Интересно отметить, что финикийская азбука структурно схожа с угаритским клинописным алфавитом, а клинописный способ записи угаритов построен на основе комбинаторных соединений всего двух элементов — *треугольника* и отрезка прямой, то есть имеет некий комбинаторный синтаксис, приводящий к осмысленному знаку. В этом он схож с иероглифом, и вместе с тем он скорее всего стал праобразом знакомых нам букв греко-финикийского алфавита. Самое важное для нас во всем этом то, что основа этого алфавита имеет всего **один элемент** (треугольник) и **один тип связи элементов** (отрезок прямой), а вот величина, расположение вдоль осей плоскости “верх-низ-право-лево-диагонали” варьируются. Она гораздо сложнее, чем двоичный код Морзе. Это наводит на мысль, что перед нами, возможно, некий **универсальный структурный инвариант языкового поля**, имеющий в данном случае чисто геометрическое выражение. Если мы соответственно “прочтем” этот инвариант, то не исключено, что он изначально содержит совсем не азбучные значения.

Буквенный *атомарный способ записи* схож с цифровым (в древнерусском еще сохранялся синтетический способ записи, в котором буквы и цифры имели равные права и были взаимозаменяемы, полифункциональны), но у них на сегодня *разные функции* в культуре. И азбука, и числовой ряд 1-10 конечны, этот инвариант имеет завершенность. Числовой ряд применительно к менталитету тоже конечен, а его потенциальная бесконечность обеспечена только повтором все того же линейного инварианта 1-10. И в основе всех атомарных типов алфавита лежит **тот же набор из десяти** (известный, например, как тетрактис Пифагора с десятью точками).

Атомистическое учение в древнегреческой философии можно рассматривать в этом свете как естественно вытекающее из самой ментальной основы — перед нами все те же нейтральные микромодули мира. Баталии по поводу способов их “связывания” в древнегреческой философии исходили уже из доминирующего взгляда того или иного учения. Подчеркнем эту квантовую особенность европейского способа записи, которая потом перейдет в формально-логическую и герменевтико-методологическую особенность ее культуры.

Арабский мир тоже принял финикийскую основу азбуки (квантовую), очень близкую конструкцию имеют и алфавиты многих древних народов

Европы, и даже алфавит майя. Это обеспечивает изначальные ментальные черты сходства, позволяющие им выстраивать транскультурные коммуникации при всем разнообразии типов записи (включая даже совсем экзотические способы письма по спирали, поскольку они все равно *линейны* и *направление прочтения* сохраняется). Здесь вступает в действие **композиционное время**, когда кванты, нанизываясь, соединяются в сгустки смыслов (причем по иерархическим уровням от простого ко все более сложному, например, от слов к предложениям и выше). Таким образом, параллельно квантовому набору и формальным правилам их сочетания появляется необходимость в *композиции* как “программе” связывания этих квантов на нескольких уровнях. Это порождает и ряд особенностей европейских (и арабских) герменевтических операций.

Совсем иное дело — иероглифическая запись, где иероглифы как раз *содержат законченные сгустки смыслов*, хотя отдельные их элементы тоже своеобразно атомарны, но эти “атомы” далеко не абстрактно-нейтральны. Они и располагаются сразу на другом уровне. Войти в эту культуру, с европейской точки зрения, гораздо сложнее, поскольку выучить несколько тысяч иероглифов или два-три десятка букв — большая разница. Но такое представление неверно, поскольку здесь — та же проблема усвоения *объема оперативного языка*, имеющего и для западного человека примерно ту же необходимую минимальную величину в несколько тысяч слов.

Мы исходим из предположения, что такое разделение есть следствие выбора Слова и Числа в качестве разных ментальных первооснов: выбор универсального Слова идентичен квантированной азбуке, выбор квантированного Числа — универсальному иероглифу. Вместе это очень напоминает **устройство сообщающихся сосудов**: разве это структурно не доказывает, что *оба типа культур* взаимодополнительны и являются частью одной глобальной системы — культуры человечества?

Выскажем гипотезу о проявлении Числа в менталитете. Говоря о классификационных особенностях языка, А.И. Субетто высказывает мысль, что язык является “гомоморфной моделью окружающего мира”. Выделяемые им **функции языка** как инструмента человеческого познания (*обобщение, распознавание, абстрагирование*) мы можем отнести и к числу. Так, и число, и слово выполняет классификационные функции (“*обобщает* вещи, относит их к определенной категории”). При помощи числа также происходит отнесение предмета к определенному классу, то есть *распознавание* его. Наконец, число как ничто иное дает возможность произвести *абстрагирование* (сокращение размерности пространственных признаков).

Если говорить о роли *взаимодействия слов* (синтактика), то мы с вами пройдем по пути взаимодействия между собой числовых ментальных моделей и выясним, что их синтактика не намного беднее. У чисел и их связанностей есть также и своя семантика, здесь открываются целые поля

значений и смыслов. Язык слов и язык чисел содержат два способа организации понимания. Причем, в слове эти возможности не столько шире, сколько специфичнее.

Таким образом, мы полагаем, что и язык слов, и язык чисел дислоцируются на грани между: а) обществом и человеком, б) социальной и биологической основой человека (его рациональной и чувственной сторонами). Выполняя всеобщую коммуникативную функцию, и слово, и число выступают в качестве *классификационных метаязыков*. Но если язык слов больше сохраняет в себе элементы человеческого синкретизма (он и рациональный, и чувственный одновременно, и это очевидно), то язык чисел предназначен больше для весьма абстрактной социальной коммуникации (философские числа, как у Пифагора) или очень конкретной и прагматической (практический счет). В этом смысле число абсолютно рационально и социально, хотя и базируется на нашей чувственности по отношению к конкретному. Это легко понять, поскольку отдельному человеку вне социума число было бы ни к чему, а вот зачатки интонационной звуковой коммуникации (прообраз слова) у высших животных есть.

Применяя к паре Слово-Число категории качества и количества, мы можем сказать, что число более *тяготеет* к количеству (отсюда счет), а понятие — к качеству, хотя как *ментальные инварианты* они одновременно и количественные, и качественные.

Нумерологическая методология — не логика, но она, по А.И. Кобзеву, представляет собой **альтернативу логике** и ее общеметодологической функции. Она более универсальна, ибо выступает и как “числовая системология” и как метанаука (но не является наукой). Как пишет по поводу китайской науки В.С. Спирин, основная черта этого “древнего картезианства” — “единство логико-дикурсивных структур (алгебра, исчисления) и пространственных образов”. Для посвященных она выступала и как отображение времени, то есть как полный хронотоп.

Дополним эти рассуждения цитатой Аристотеля: “Число есть сущность всех вещей, и организация вселенной в ее определениях представляет собой вообще гармоническую систему чисел и их отношений”.

Если исходить из приведенных рассуждений и этой цитаты, то становится понятна **функция формальной логики Аристотеля**: необходимо было упорядочить сам мир Слова (как посредника при переводе к метасмыслу), ибо божественный порядок в мире Числа в этой функции уже показал Пифагор.

Дополнительность присутствует в любых культурах: на стадии зарождения китайской нумерологии она точно так же не дала развиваться зачаткам формальной логики, которые уже проявили себя. На вопрос: почему так? — мы отвечаем несколько необычным образом: регулятором выбора выступает принцип ментальной дополнительности. Нумерология уже главенствовала в Вавилоне, поэтому в Греции она не должна была возобла-

дать (или не было бы такой Греции). Нумерология возобладала в Китае, поскольку в соседней (и сравнимой по значимости) цивилизации Индии возобладала формальная логика.

Таким образом, мы можем зафиксировать две дополнительности Числа и Слова в древнем мире: условно говоря, западную и восточную.

Сегодня в мире идет неизбежный процесс их интеграции. По мере приближения истории к ее завершению встает проблема взаимоотражения этих двух потоков. Одно то, что была констатирована их ценность, не так давно (еще в прошлом веке) переполняло европейцев гордостью за демократичность установок своей науки, но сегодня этого явно мало. Нужно искать уже не признаки отдельности и уникальности разных культур, нужно искать способы их сочетания, сосуществования и — соединения в третье. И пока основы для синтеза не будет найдено, движения человечества вперед быть не может. Недаром в начале нашего века активно разрабатывали и распространяли язык эсперанто, а современный компьютерный мир успешно обходится интерязыком математики.

Будущая роль **евразийской** России здесь несомненна, поскольку наша культура последние три века выступала рефлексивным зеркалом мировых культурных процессов. Вечная раздвоенность между Западом и Востоком в такие моменты истории, как сегодняшней, показывает большее тяготение к Западу. Поэтому способны ли мы воспринять настоящую, а не “пряничную” культуру Востока — это еще вопрос. Известно, что между русским и китайским менталитетами наблюдается большое сходство, и оно глубинное, но все-таки по теологической основе наша православная культура есть особая ветка от византийского ствола. В этом смысле она всегда будет противостоять католицизму, сосуществовать с исламом, испытывать странное тяготение к китайским церемониям. Но по поводу нашей способности понять *принципиально иной по устройству* менталитет Индии вопрос остается открытым. Для этого нужны особые типы герменевтических операций, которые пока не осмыслены даже в постановочном плане.

Новое время привносит в культурную дифференцированность интегративные тенденции, но эти тенденции оказываются, увы, односторонними, превращающими многообразие, полифокусность, в одну интеркультуру. Победоносное шествие научно-технического монстра никак не сказалась на интеграции духовных основ. Эта проблема осталась открытой, и именно в ее решении мы видим главный ресурс для нашего общечеловеческого будущего.